

АГАТА
Ведер

ТЕБЯ

Агата Вебер

Без тебя

<https://litres.ru/74004488>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как мне пережить предательство близких, справиться с горечью потерь и остаться самой собой? Сможет ли кто-то дать мне на это ответ? Где взять сил, чтобы раз за разом начинать жизнь заново, с чистого листа, и стоит ли начинать - кто подскажет?! Смогу ли я спасти сестру, попавшую в беду в одной из африканских стран, а потом снова научиться любить и доверять? Ответы мне придётся искать самостоятельно.

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 8	41
Глава 9	47
Глава 10	51
Глава 11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Агата Вебер Без тебя

Глава

Агата Вебер

«Моя жизнь без тебя»

Глава 1

Поезд вздрогнул. Вагон тронулся. Перрон остался. Так и моя жизнь – там осталась. Села и, не замечая ничего вокруг, стала смотреть в окно. Неожиданно по спине побежали мурашки... Резко повернулась – меня с любопытством рассматривал симпатичный молодой человек. Он смотрел на меня, и я словила его взгляд. Как будто мы играли в детскую игру – гляделки. Даже стало смешно. Невольно улыбнулась, а парень усмехнулся: наверное, подумал о том же?

– Может, представимся друг другу? Меня зовут Александр. А вас?

– Аня. – Ангелина, но я прошу называть меня Аней.

– Очень приятно, красивое имя! Куда едете?

– К родителям.

Я покраснела, разговаривать с молодым человеком отчего-то не хотелось. Но и зачем ему обо мне знать? Моя жизнь – это моя жизнь.

Но не сейчас. И не сегодня. Сегодня день, когда мои мысли будут разложены по полочкам под стук колёс... Да, уезжаю... Нет, точнее убегаю. Предал... Как же больно вспоминать! А больше, наверное, обидно. Мы вместе десять лет, и разве его остановило?

А моя двоюродная сестра Ольга и по совместительству

лучшая подруга пришла и сказала: «Я беременна от твоего мужа». Как мне жить после этого?! Как смотреть на них? На него... А я всегда хотела, чтоб у нас был маленький ребенок. Но мужу как-то всё равно было. Будет он у нас или не будет.

– А хочешь ли ты детей? – Спрашивала часто у Никиты.

– А зачем? Мы молоды. Давай для себя поживем.

– И сколько ты хочешь пожить для себя? – В ответ только слышала его сопение в подушку. Или он уводил разговор совсем в другое русло.

В тот день я, сильно уставшая, пришла домой после сдачи анализов и приема у доктора. Он обнадежил, сказал, что пытаться стоит обязательно. Только надо съездить куда-нибудь на юг. К тому же, климат сменить тоже не помешает. А самое главное, чтобы к нему явился мой муж. После того как Никите сделают операцию, у нас точно всё получится.

Мы с мужем жили на седьмом этаже и мне всегда нравилось смотреть в окно, сегодня я также сидела на подоконнике и засмотрелась на открывшийся мне вид, который завораживал воображение. На ярко синем небе из-за тучек выглянуло солнышко, окрашивая залив во все цвета радуги. От этой красоты перехватило дух. И я ненадолго выпала из реальности. Решила, что надо бы сейчас взглянуть на площадку, где обычно останавливался Никита. Хорошо, что его ещё не было, значит я могла начинать готовиться к его приходу. Мне хотелось его порадовать и настроение было в тот день таким же солнечным, как и погода на улице. Решила, что я органи-

зую его любимое блюдо – мясо по-французски. Традиционно делала его из говядины, так как это мясо Никите нравилось больше всего. Нарезала одинаковые куски, мясо слегка отбила. После чего стала его мариновать. Маринад использовала самый простой: соль, черный перец и луковый сок. Жаль, что у меня не было времени на его приготовления. Делала в ускоренном режиме. Поставила ненадолго мясо в холодильник. И стала нарезать помидоры с болгарским перцем. Достала небольшую жаропрочную стеклянную посуду и смазала ее сливочным маслом. По прошествии часа вынула из холода пропитавшееся мясо и выложила все ингредиенты слоями. Всю эту красоту отравила в заранее разогретую духовку. Выложила натертый на крупной тёрке сыр. И отправила обратно в духовку. Стала ждать, пока сыр растает и получится ароматная сырная корочка.

Звонок в дверь не стал неожиданностью. Должен был прийти муж.

Открыла дверь. Но на пороге стояла моя сестренка Оля, грустная и смотрела на меня с немим укором.

– Заходи, разуйся, скоро Никита придёт, – сказала ей я.

– Да, знаю, скоро придёт. А я поговорить хотела, Ань. – Не снимая каблуки, Оля очень важно прошествовала в кухню.

– Что случилось? – Посмотрела на это безобразие и прошла следом за сестрой.

Она, вальяжно закинув ногу на ногу, сидела за столом и осматривала всё со взглядом победительницы. Мне это

вдвойне не понравилось. Но это же моя сестра, подумала тогда я. Присела напротив неё за барной стойкой.

– А я беременная! – сказала она мне с каким-то чувством превосходства.

У меня возник порыв спрыгнуть с высокого стула и обнять Ольку, поцеловать и порадоваться за неё. Но меня остановила её фраза:

– От Никиты, твоего мужа. И у нас будет двойня!

– Что? – Я смотрела на родного человека и не могла поверить этому. Мне казалось, что мир перевернулся. Плакать хотелось, нет, даже не так, выть. Как же так?! Ничего не поняла, а как же слова доктора, который мне говорил, что без операции ничего и никак не получится. Разве? А почему тогда у них получилось? Почему она беременная? Горит что-то, а, точно - мясо!.. Нет, это горела моя душа. От предательства, от боли. Я не слышала, как захлопнулась дверь. Я ничего не слышала... На автомате выключила плиту и села в нашей великолепной кухне, в которой было всё, что должно быть у хозяйки. Вот барный стол со стульями, встроенная мебель под мрамор. Прислонилась к шкафчику и просидела так очень долго... Весь уют этой квартиры был создан мной. Рассматривала такие родные для меня за десять лет стены. Мой взгляд переместился к двери в лоджию. Там стояла синяя громоздкая стеклянная ваза, часто в последующем менявшая положение от моего настроения. Да, Никита подарил мне её на восьмое марта со словами: “Это, правда, не дина-

стия Мин. Но мы её будем называть наша китайская ваза”. На автомате, наверное, я встала и взяла эту самую вазу, а после швырнула об сервант, что так громоздко возмещался в нашем большом зале. Я обратила внимание на статуэтку балерины, которую он привез из какого-то города. Всегда хотел меня чем-то порадовать. Взяв её в руки, метнула вслед за вазой приговаривая: «Полёт нормальный, удачно разбивший мои мечты». Я не слышала ничего и на эмоциях швыряла хрусталь, что был подарен мне моими родителями, на счастье. Посуда из трельяжа летала по комнате. Мои руки были порезаны, но я ничего не замечала, пыталась эту боль не просто выбить, но и выкинуть. Прислонившись к тому самому серванту, закрыла глаза и прокручивала в голове мою жизнь в целом.

Словно через вату слышала шаги мужа. Меня дернули с пола и прижали к своему телу такие родные и любимые руки... Нет, уже не мои.... Но были ли они всегда мои? Может измены были раньше? Только я ничего не замечала? Муж поглаживал меня по спине, поцеловал в висок. А я, прижимаясь к нему вдыхала такой знакомый и родной запах и думала: «Как же ты мог»?

– Ангелочек, что у нас подгорело? - спрашивает меня Никита. И тут его взгляд перемещается на погром, который я устроила. Рассматривает комнату. Хмурит брови на красивом лице. Его синие глаза смотрят на меня с гневом и болью. Или мне это тогда только показалось. - И что здесь произо-

шло? - А я, отстранившись немного от него и подняв голову к его эстетичному лицу, решила, что сейчас выясню, лгал ли он мне или нет.

- Оля приходила, - я не ответила ни на один из его вопросов. Подгорело? Разве? Душа у меня горит, как тогда десять лет назад.

- И что она хотела? - Муж как-то подобрался весь, посмотрел на меня нечитаемым взглядом. И выпустил мои руки из своих.

- А она беременная двойней! - пыталась понять, спал ли он с ней? Или все её слова - это только её блажь, большое воображение. Ведь она всегда с первых дней была влюблена в Никиту. Но она ему не нравилась. Выбрал-то он меня. Ту, как мне казалось, девочку-отличницу. А не мою разбитную сестрицу, которая парней меняла, как перчатки. Усмехнулась своим мыслям. Неужели она добила мужчину своих грёз? А ведь я почему-то была уверена, что Оля смирилась тогда с выбором Никиты.

- И?

- Мне она сказала, что от тебя. - И в этот момент я почувствовала, как мои глаза наполняются слезами задержав дыхание. Не дышала, до того момента, когда Никита произнес слова, которые точно поставили точку в наших отношениях.

- Всего-то один раз было, Ангел, да и не подумал, что могут быть последствия... - не оправдывался. Значит было. Его слова, как ножом по сердцу полоснули. Да, охотно верится,

да-да, один лишь раз. Он не думал о последствиях. Дышать стало легче, но при этом слёзы уже текли ручьем. Да, а я должна уточнить один важный момент: муж ходит в море, а Ольга вместе с ним на одном корабле, она корабельный кок. Собственно, повар, единственная женщина на судне.

Глава 2

А ведь вся наша жизнь завершилась одним серым днём. Или, возможно, это началось давно, но я не замечала. Мне ведь всегда казалось, что у меня нормальная семья с солидным достатком. К этому прилагалась машина, гараж, «двухэтажная дача». Только кому это было нужно? Пока они в море ходили, точнее, они там развлекались, я в это время приходила с работы, скучала, вышивала, вязала, смотрела телевизор, иногда заглядывала в соцсети полайкать фото подруг, у многих дети и уже не по одному... Никита приходил с вахты и мне ноль внимания уделял: то в играх, то телек смотрел или газету читал. Меня ни о чём не спрашивал. Я сидела рядом, в кресле и занималась любимым хобби – вязанием, чувствуя себя приложением к мебели. В кафе и рестораны мы не ходили, в кино тоже. Жили, называется, в свое удовольствие. Сомнительное оно какое-то было. “Развлекалась” и я, переделывая квартиру. Она у нас была большая трёхкомнатная, в доме, построенном по так называемому североморскому проекту. Мы её переделали в студию, оставив нетронутыми только небольшой коридор и две комнаты. Кухню объединили с залом и поэтому она была очень просторной. Сейчас же я её всю рассматривала - стены, окна, шторы, закрывающее солнце в полярный день - и вспоминала тот день... Раскрас-

невшился с мороза, мы веселились и подшучивали друг над другом. Никита, зайдя в магазин, привлёк меня к себе и поцеловал в мой красный нос. Я тогда ещё пошутила, что ему в жены не Снегурочка попала, а дед мороз. Да только желание выполнять я не буду. Как сейчас помню название торгового центра - «Уютный дом». Девушка консультант пыталась помочь нам с выбором, показывала весь товар.

– Никит, посмотри! А давай возьмём вот эти серые портеры с синим отливом? Они как раз будут смотреться очень стильно.

– Да, Ангелочек, согласен... – Он всегда разделял моё мнение.

А я, наверное, была слепая, глухая, да ещё и довольная, так как муж у меня красавец: волосы темно-русые глаза синего цвета. И широкая улыбка, которая озаряла его лицо только для меня. Я видела, что он никогда при мне не флиртовал с другими девушками. Даже с той же Олей. Был холоден с ней. Он мой и только мой. Наверное, то, что у нас нет детей и стало концом наших отношений, а ведь я очень хотела сыночка или дочку. Но, может, мне не дано испытать это чувство... Спать ложились с мужем под разными одеялами. Не раз пыталась поприставать к нему, на что он только отмахивался:

– Зая, сплю. И ты спи.

Куда подевалась страсть? Ничего этого нет? Ни страсти... Ни чувств... Ни романтики... Раньше бывало, придёт с моря,

романтический ужин и до кровати не дойдём. А последние года так три или четыре приходил с моря, ужинал и говорил:

– Спасибо, дорогая. Всё было вкусно.

Укладывался на диван, залипал в телевизор и засыпал.

– Никита, я не видела тебя три месяца! - тормозила я его.

В ответ получала только невнятное:

– Прости, я устал, мне надо выспаться.

Так мы и жили с Никитой последние годы, словно соседи по кровати. А что мне оставалось делать?! Оригинально! Молодая, здоровая женщина! Искать любовника?! Зачем мне тогда это тело, лежащее рядом, зачем вообще быть вместе?! Но я молчала и плыла по течению. И только теперь поняла, что молчание убило всё. С другой стороны, скандалы – это не моё. Или человек принимает меня такой, какая есть, или мои чувства к нему умирают. Как только перестает вызывать любые эмоции, он для меня умер. Жаль, столько лет потрачено на то, чтобы это понять. Так и сложилась наша жизнь по умолчанию. И если он хотел меня, то любил. Нет – так к стенке. А как же красиво начиналась наша жизнь! Цветы, встречи, моя радость от общения. Куда всё это делось? Я почти сразу переехала к нему. Никита меня завоевал напористо, со вкусом, скажем так. Читал мне стихи Есенина, Блока и Пастернака. Помню, мы поднялись на самую высокую сопку, и там он мне сделал предложение. Встал на одно колено, протянул мне коробочку и произнес: “Как только встретил я тебя, то сразу понял ты моя! Ты та, кого я ждал

всю жизнь. И я хочу задать вопрос, тот что мучает меня. Уже, наверное, секунд или минут, часов или дней. Станешь ли ты моей женой, о, Ангел мой?” И я согласилась, конечно, но у меня было условие, что, когда я закончу институт. В июле, после сдачи экзаменов и получения мной диплома, мы поженились.

В тот же самый день я собралась и ушла, но поговорить с бывшим не смогла. Да и стоило ли? Никита что-то мне говорил, а я под его бормотание прошла в нашу спальню и из шифоньера покидала свои вещи в чемодан. Сбежать от себя невозможно, а я убежала. Так, думала, что можно ещё тогда, в восемнадцать, начать всё заново. И опять заново. Сколько нужно это заново?! Всё, не хочу думать. Эх... Нет. Нет и еще раз нет, не буду думать. Больно. Очень. Уезжаю или всё-таки убегаю...

– Анна, вы печальны и задумчивы. У вас проблемы? – спрашивает меня Александр.

– Никаких, – смотрю на него, восхищаюсь: прекрасно сложенный молодой человек, широкие плечи, чёрные волосы, глаза цвета янтаря. В них отражаются эмоции, но не могу понять, какие. Одет стильно и неброско. Вся его одежда в спортивном стиле. Скорей всего спортсмен. – И зовите меня Аня.

Мои родители называли меня Ангелина, но имя своё я никогда не любила. И меня все называют Аня уже с детства. Александр исподтишка рассматривает меня, в его глазах чи-

тается тот особенный блеск. Краснею.

Да, конечно, не фотомодель, но мои натуральные тёмно-русые вьющиеся волосы всегда привлекали мужчин. Они длинные и на данный момент были распущены. Знаю, я симпатичная девушка, привлекательная, даже сексуальная. Да, с лица воду не пить.

Вспомнился фильм «Самая обаятельная и привлекательная». Там Ирина Муравьёва повторяла словно мантры: «Я самая обаятельная и привлекательная, все мужчины оборачиваются на меня». И мне надо для уверенности повторять эти слова. Да, всё-таки я забыла за несколько лет брака, что я приятная на вид женщина, на которую смотрят и могут любить. Проявляет же ко мне интерес красивый мужчина, пожирает глазами. Возможно, так действует поезд и закрытое купе? Эх, куда тебя понесло, Аня?

Глава 3

Глава

Вот скажите мне, чего не хватало моему мужу? Смотрела на парня, который сидел напротив меня. Он же глаз с меня не сводил, и улыбка очень часто касалась его губ. Но я всё равно не могла понять этих мужчин. Ведь когда-то и Никита на меня так же глядел, словно хотел съесть, как конфетку. И муж у меня был, как и Алекс, эффектный. И всё же, чего не хватает этим мужикам?! Дом был полная чаша. Супруга, вроде, как ему досталась красавица, умница и готовила хорошо. Или всё дело в том, что есть такие легкодоступные, как моя сестра Оля, с которой просто можно спать и ничего не просить взамен. А жена... А что жена? Её можно подвинуть, как говорится.

Жизнь – это, наверное, поезд. Если я вышла не на той станции, то он поедет дальше. А ты так и останешься стоять на перроне. Нет даже не так! Я не выходила ни на какой станции. Меня просто выкинуло. Последние несколько лет... Я как потерянная...

Предательство, как оно разъедает душу! Ведь верила ему всем сердцем, всей душой, но опять передана, растоптана. Боль внутри, её так много... а в душе осталось только пусто-

та, но точно знаю, что утихнет боль. Всё перемелется – мукой станет, как пыль смахну её. И со свежими силами открою новую страницу жизни!

Всё взаимозаменяемо. Всё возвращается. Ты всегда получаешь столько, сколько отдаешь. Всё просто. Хочешь больше — отдавай больше: больше сил, больше времени, больше любви. И всё вернется, в самый неожиданный момент. Я всё смогу. Я всё сумею. Переживу. Переболею. Перекантуюсь. Перебыюсь. Перереву. Перестрадаю. И вновь улыбка засияет. Да, нелегко. Не спорю, сложно. Но ради жизни всё возможно!

Ни один человек не может меня ни в чём обвинить. Я никому ничего не должна, кроме своих родителей, которые подарили мне жизнь. С остальными могу вести себя так, как считаю нужным. Это моя жизнь. Мои правила.

Одно из самых обычных заблуждений состоит в том, чтобы считать людей добрыми, злыми, глупыми, умными. Человек всегда меняется, и в нём есть все возможности: был глуп - стал умён, был зол - стал добр и наоборот (где-то читала, не помню автора... правильнее не сказать...).

И может, хватит уже копать в своих мыслях, Аня? Родителей-то не предупредила, что приезжаю. И как сказать маме, что её «любимый зять» изменил мне с моей же сестрой. Что скажет мама и что скажет папа...

Эх, почему у меня нет друга Карлсона, который скажет: «Спокойствие, малыш, только спокойствие!».

Из потока мыслей меня вырвал голос Александра:

– Аня, а вы к родителям в гости, или...

– Или...

– Почему вы такая неразговорчивая, вас кто-то обидел? У такой красивой девушки есть муж?

Я хмыкнула:

– Ага, объелся груш.

Александр весело рассмеялся.

– Что, изменил? - участливо спросил меня парень.

– Алекс, я не готова пока отвечать на такие вопросы, так как мы с вами пока не перешли на ты? - сказала я полу вопросом.

На что Алекс посмотрел на меня, расплылся в улыбке и произнес:

– Готов понести наказание. И мы перейдем эту фазу.

Алекс покорила меня своими шутками, игрой на гитаре, бегал на станциях и покупал всякие вкусняшки: ароматную пиццу, шоколадки... И такой вкусный, ароматный... мой любимый чай с чабрецом. Задабривал. Влюблял? Что именно он хотел сделать?

Второй день мы едем в поезде. Явные ухаживания интересного мужчины обнадежили, заставили почувствовать себя привлекательной. Я заметила, что у парня есть гитара. Попросила его спеть. И он исполнил для меня несколько песен. Но больше всего мне понравилась песня Визбора “Милая моя” в исполнении парня. У него совсем другой стиль

исполнения, но всё равно получилось восхитительно. И ещё одна песня пришлась мне по вкусу. Это «Ты у меня одна». Слышала в фильме с идентичным названием. Но то, как пел её Алекс, очень сильно отличалось от оригинала. Это было настолько чувственно, что мне казалось, что поется исключительно только для меня.

«Ты у меня одна,
Словно в ночи луна,
Словно в степи сосна,
Словно в году весна.
Нету другой такой
Ни за какой рекой,
Ни за туманами,
Дальними странами.»

– Аня, а вы поете? – спросил меня парень.

– Да, но очень редко. Хоть и закончила музыкальную школу. У нас часто дома проходили импровизированные концерты. Мы с сестрой пели, а папа играл на аккордеоне.

– Вы споете для меня, Аня. А можно я буду вас, прекрасная девушка, называть Ангелом? И может мы перейдем на ты?

На все вопросы парня я только молча кивала и опять словно погружалась в свои мысли. Эти ухаживания мимолётны и несерьёзны, сначала надо прийти в себя, отойти от прежних отношений, а потом с головой уже бросаться в новые. Мне в

первую очередь необходимо оправится от минувшей жизни и понять себя, а также принять. И конечно же, я понимала, что всего лишь два дня пути... Вот выйду на перрон, а поезд поедет дальше. На этом всё закончится. Убеждала я себя. И не поддавалась на притягательность этого парня. Скоро моя станция. Мне было хорошо с этим попутчиком. Даже смогла расслабиться и отодвинуть боль от предательства на задворки памяти. Давно себя так не чувствовала... Он привлекательный и я привлекательная, и что нам время зря терять? Нет, это всего лишь флирт двух незнакомых людей.

– Ань, а ты веришь в судьбу? – спросил меня Алекс. Когда до моей станции оставалось несколько часов.

– Я не знаю. Скорей всего нет, чем да. – И я задумалась. Но опять же молчала и погружалась в свои мысли. Александр не даёт мне размышлять. И внимание этого эффектного парня стало меня немного напрягать. Что он во мне нашёл такого? И чем я ему интересна? Из дум меня опять вырвал голос Алекса.

– Аня, а ты не против продолжить наше знакомство? Я хотел бы обменяться с тобой адресами электронной почты. Ты не против? – даже не то спрашивает меня Алекс, но как будто боится, что я откажусь продолжить наше общение.

– Нет, конечно. – Напишет сам – пообщаемся. Первая писать не буду, ну, я же гордая, умудрённая такая, жизненным опытом! Парень достал из своей спортивной сумки блокнот с ручкой, написал адрес, вложил в мои руки вырванный ли-

сток и очень долго не отпускал мою ладонь. Мне отчего стало некомфортно, и я со смехом попросила отпустить.

– Если не отпустишь мою руку, то как же я тебе свой адрес напишу? - парень с неохотой выпустил из захвата мои руки и вздохнул очень тяжело. Я усмехнулась и, взяв блокнот, быстро чиркнула ему свою электронку.

Приехала. Прощаясь со мной, Алекс взял мою руку в свои мозолистые ладони и пытливо смотрел в глаза. Его янтарный взгляд просил чего-то большего, чем прикосновение рук. Но нет, не готова пока к новым отношениям. Конечно, что-то проснулось в моей душе, истлели давно погасшие угли душевного костра. Оживать она начала под слоем пепла... Но я не готова к такому повороту.

– Анечка, мы обязательно встретимся, – говорит мне Алекс.

Новые чувства, эмоции накрыли. Может быть и встретимся... А может и нет, но толчок дан, душа ожила, появилась уверенность в себе. Но скорей всего нет, это всего лишь надежда на будущее, что не всё кончено, впереди будет только хорошее. Этот оценил, значит и другие смогут.

Глава 4

На улице льёт дождь. Поймала такси, опустилась на заднее сиденье. В машине сильно воняло каким-то освежителем. К горлу подкатила тошнота. Прислонилась лбом к стеклу, оно прохладное. Стало немного полегче, тяжело переносить поездки в машинах, маршрутках, автобусах, укачивает сильно, особенно если присутствуют сильные запахи... Попросила водителя немного опустить стекло. Свежий влажный воздух приятно коснулся лица. Жадно вдыхала ароматы улицы и с любопытством разглядывала пейзаж вдоль дороги. Дождь смыл загазованность и в воздухе витал запах мокрого асфальта. Дождь усилился. Пришлось закрыть и без того узкую щель окна. За прошедшие годы город изменился. Сквозь капли воды на стекле заметила новый торговый комплекс на месте старого рынка на проспекте Кирова. А на углу улицы Ленина вместо Макдоналдса приветливо светилось огнями кафе с террасой, старые фонари заменены на неоновые. И только густые кроны лип и клёнов вдоль родных улиц уносят мои мысли в далёкое прошлое. Тогда, казалось, всё было легким и простым. Не то, что сейчас. Путь длинной в десять лет привел меня опять к родному дому. Мама всегда говорила, что независимо от всего она меня любит. Да, а я ведь в последний раз навещала родителей около четырёх лет назад.

Но уверена, что они меня поддержат. Ведь в нашей семье так заведено. Мы стоим друг за друга стеной. Так нас учили делать родители на своем примере. Между ними очень теплые, даже трепетные отношения... Они нам с родной сестренкой Марьяной всегда были друзьями в первую очередь, а уж потом мамой и папой.

Очнулась от оклика водителя:

– Девушка? Девушка! Приехали!

Расплатившись с таксистом, подхожу к дому. Вот они родные пенаты - одноподъездная сталинка. Так же как несколько лет назад меня встречают обшарпанные стены синего цвета. Кирпичик, где нарисовано сердце, а в нём написаны первые буквы двух имён: К+А. Обвожу двумя руками шероховатости камня. И опять мыслями улетаю на десять лет назад. Слезы подступают от воспоминаний о том, первом, предательстве. Разве можно это снова пережить? Всё, хватит издеваться над собой. Открываю резко дверь и поднимаюсь по лестнице.

Мама встречает, радуется. Замечаю сеть морщинок на лице, только глаза всё так же сверкают. И обдают тёплым взглядом. От мамы ничего не скроешь. Взгляд опечалился. Она уже всё поняла и погрузилась. Я крепко её обняла, уткнулась в шею. И почувствовала тёплый, родной, мамин аромат сирени и булочек с корицей... Мама! Родная моя! И тут, поняв наконец, где-то на подсознательном уровне, что я дома, разрыдалась... Горячие слёзы сами собой полились из глаз,

несколько минут даже не могла вымолвить и слова. Просто выливала свою боль, уткнувшись в мамино плечо. Она ласково, как в детстве, гладила меня по голове, нежно целовала в макушку, ничего не спрашивая. Выплакавшись, рассказываю ей про Никиту. Она не выглядит удивленной, а после произносит то, что было шоком для меня услышать.

– Доча, вот я почему-то так и думала, что у вас всё разладится. Ну что ты на меня так смотришь?! Знаешь ли, со стороны оно виднее. Лучше иди переодевайся. И умойся с дороги. Скоро отец придет с работы.

И больше не стала доставать меня нравоучениями и лишними вопросами. Ушла на кухню. А я огляделась вокруг. Всё на тех же местах. Усмехнулась этому факту. Ничего не меняется у моей консервативной мамули. Засмотрелась на раскачивающийся стул. Значит, мама недавно только с него встала. Вязание на журнальном столике. Жалюзи приоткрыты. Странно, она не видела, как я приехала? Или так увлеченно занималась своим хобби. Гардин и портьер или любых других занавесок у мамочки никогда не было. Она их не любит от слова совсем. И наш север тоже невзлюбила за полярный день, так как приходилось закрывать солнце ночью. Родители живут в трёхкомнатной сталинке с высокими потолками и лепниной. Мебель почти во всей квартире делал мой покойный дед.

Прошла в свою комнату, переоделась в ситцевый халат, который лежал на полке в шкафу. Я не была дома четыре

года, а все мои вещи и платья выстираны, как-будто мама меня ждала.

Вся эта будничная возня меня успокоила, немного привела в порядок мысли.

Через час пришёл папа и обрадовался своей нерадивой и блудной дочери.

– Вспомнила, значит, стариков?! - Крепко обнял и поцеловал.

– Пап, ну какие вы старики? - прижалась к родителю.

– Такие, доча, такие. - Папуля отпустил меня и подошел к маме. Поцеловал её в щёку.

– Андрюша, руки мыть и за стол. - Мама в ответ прикоснулась к нему губами. А потом обратилась уже ко мне: - Ангелинка, пойдём, поможешь накрыть.

– Па! Мы тебя ждем!

– Иду-иду!

Мы ужинаем вместе, как раньше. Соскучилась по родителям. Надо рассказать папе, что у нас произошло. Он постоянно смотрел на меня, хмурился. Но вопросов не задавал, так как не приняты у нас разговоры за столом. Мама приготовила мои любимые блюда: плов с курицей, винегрет и шарлотку. Всё то, что навеяло ностальгию о детстве. Я опять убедилась, меня ждали, неужели у мамы интуиция сработала? Смотрю на родителей: то на одного, то на другого. Лишь только слышно, как стучат приборы о тарелки. И у меня возникает ощущение, что тех десяти лет, как не бывало. Един-

ственное, что портит этот момент – Марьяшки сейчас нет рядом. Надо бы поинтересоваться у родителей. Почему сестрёнка не ответила на мой последний звонок?

– Рассказывай, почему приехала без Никиты? Что произошло такого, что ты, дочка, вот так неожиданно всё бросила и приехала?!

– Па, а нас с Никитой уже нет.

– Это как это нет?! – папа ещё больше нахмурил брови.

– Дело-то житейское, так говорит Карлсон, па...

– Дочь, я не понял! Он тебя обидел?

Глава 5

Опять нахлынули воспоминания, боль ножом врезалась в сердце. Глаза наполнились слезами... Уткнуться бы, как в детстве, в сильное папино плечо. И рассказать, что натворил Никита. Mamочka увидела, что я сейчас опять расплачусь:

– Андрюш, вот, до слёз дочь довёл.

– Это кто довёл?! Я?!

– Изменил он ей.

– И разве это повод для бегства к нам? – говорит серьёзным таким тоном папа.

– Да если бы... Он не только изменил, от него Оля забеременела! Это твоя племянница, между прочим, которой, простите уж за бестактность, попу подтирали когда-то! И куда Валентина смотрела?! Хотя с такой матерью разве что путёвое будет? Послал же Бог родственников, – мама опустила на стул. – Ты вспомни, как Валя гуляла, днями и ночами, а Олька у нас была... А как подросла, мамаша с собой таскать её начала. Потом встретив Юру, уехала в Заполярье. Мы же не знаем, как они там жили. И чего Оля насмотрелась в отрочестве...

– Ноги их в нашем доме больше не будет! Мать, дай выпить! – папа тяжело задышал, опершись локтями на стол, опустил голову.

Испугалась, мурашки побежали по телу... папочка... Никогда не видела, чтобы он так переживал. Он же у меня сильный, и чтобы не случилось, всегда оставался спокойным. Кроме того, папуля у нас статный, широкоплечий, двухметрового роста с выправкой солдата. Вот только не даром прошла его служба в горячей точке - теперь проблемы с сердцем.

– Я же души в них не чаял... Валя, Олька...

– Милый, тебе плохо? Доктор же запретил. Если сердце болит, может, лучше валерьянки или нитроглицерин примешь? - Мама вскочила с места и уже хотела бежать за лекарствами, но отец её остановил и строго посмотрел. Она сначала нахмурилась постояла немного, и сама предложила:

– А давайте все вместе, понемножку. Мне тоже нервы надо подлечить. Так и знала, что в вашем Гадюкино ничего хорошего не получится! – съязвила роднуля и пошла в кухню.

Она никогда не любила город за Полярным кругом, называла деревней Гадюкино. Наверное, чувствовала, несладко будет там дочке, материнское сердце не обманешь. Мамулечка достала бутылочку коньяка, маленькие хрустальные стаканчики из серванта. Терпкий аромат хорошего алкоголя поднял настроение, по венам побежало приятное тепло...

Мой фирменный салатик из красной рыбки с брынзой оказался, как нельзя кстати, уже через полчаса мы весело смеялись, вспоминая комичные случаи из моего раннего детства. И как в детстве ласковый мамин голос и раскатистый папин смех принесли душевный покой, ощущение полной

защищённости...

Почувствовала себя очень уставшей и расслабленной. Мы зашли с мамой в комнату, которую в детстве делили с сестрёнкой. Пока роднулечка стелила мне постель, я рассматривала знакомые стены. Вот моя кровать стоит у окна, а напротив Марьяны. Постеры наших любимых групп всё так же висят на стене. Стол только девственно чист, на нём лишь сиротливо лежала толстая тетрадь. Я подошла к столу, взяла в руки дневник Марьяши и прочитала последнюю запись: «Поговорить с сестрёнкой о моих планах». Интересно, каких? Мама неслышно вышла, а я опустилась на ароматную подушку, пахнущую травами, которые любила подкладывать роднуля, и закрыла глаза. За окном шелестел летний дождь. Крупные капли били в стекло и словно смывали с моей души всю грязь. Она вновь обрела чистоту, свежесть. Завтра будет новый день, новые заботы, с этими позитивными мыслями я уснула.

Глава 6

– Анечка приехала! – щебетала мне Олька. – Ура! Наконец-то будет с кем поговорить, а то эти взрослые разговоры, куда поступать, достали! Ангелочек, ты на педагога пойдёшь, да? Слушай, а мы с Катюхой познакомились с ребятами, учатся на судоводителя. Первый курс закончили. Такие красавцы. Мне в их компании очень нравится один парнишка, смотрю на него – и сердце замирает. Я вас познакомлю, – искрящийся оптимизм двоюродной сестры меня совсем не радовал. Душа болела после того, что случилось на выпускном.

– Нет, спасибо! Не надо мне никаких знакомств, я приехала учиться, а не с парнями встречаться.

До дома тёти Вали, дяди Юры и Оли мы шли пешком, так как он находился недалеко от вокзала, почти в центре города. На улице стояла жара – середина лета, невыносимо припекало солнышко. Когда мы проходили аллею, я заметила, что только недавно распустилась сирень. Красота и запах были умопомрачительные.

У них оказалась трёхкомнатная «хрущёвка» на втором этаже и по сравнению с нашей она мне тогда показалась халупой. Комнаты отдельные. Совместный туалет. Большая комната рядом с кухней принадлежала Оле, а комната тёти

Вали была дальше по коридору. Они сделали перепланировку: кладовку убрали и получился коридор, вдоль которого разместился встроенный шкаф, а также две комнаты напротив друг друга, не очень большие.

– Аня, перестань! Одно другому не мешает. Ну, вот мы и дома, – сказала сестра, открывая дверь. – Ма, мы пришли, – прокричала она. – Разувайся и заходи на кухню. А я пока вещи твои занесу в нашу комнату. Да и слышу, ма там возится. Вроде как Юра сегодня придёт с моря.

– Почему ты его так называешь?

– А он сам разрешил, сказал, что дядя Юра вроде как не по статусу. Разница у нас тогда была одиннадцать лет.

Я задумчиво осматривала кухню пяти квадратных метров, в которой было не развернуться... Стол, стулья и шкафчики – всё было каким-то таким серым, что глазу не за что было зацепиться. Тётя Валя – женщина небольшого роста, очень худенькая, миниатюрная, как заморская статуэтка. На её милостивом лице выделялись живые каре-зелёные глаза, которые меняли цвет в зависимости от настроения и освещения. Её волосы были накручены на большие бигуди. Весь её вид портили только следы похмелья и серый застиранный халат, в котором она стояла около разделочного стола. Она кулинарила и что-то напевала. Рядом с ней я заметила начатую бутылку пива и стакан. Я даже как-то поморщилась. Было так не приятно. Видеть. Это.

– О, какая ты совсем взрослая стала. – Смотрит на меня

тётя Валя. Не спешит меня обнять. – Ну садись за стол. Заключение в объятия вот толком не могу – тесто решила замесить. Юра скоро придет, да и, может, с друзьями его посидим. Ну, давай рассказывай, почему решила у нас учиться. Неужели у вас в Подмосковье учится негде.

– Почему? Есть, конечно. Но произошла неприятная ситуация, которая и подвигла меня к вам приехать. На выпускном парень, с которым дружили, оказался предателем.

– И что сделал-то? Что, с подругой застала, небось целовался? – спросила тётя слегка усмехаясь.

– Он ушёл рано, точнее, после того, как аттестат выдали, и моя подруга вслед за ним ускакала. На вечере в честь окончания школы его не было. А Карина наоборот недолго, но была. Она отозвала меня в сторонку и сказала, что, Костя уже давно с ней роман крутит. У них будет ребёнок. А я ей ответила, чтоб она катилась куда-нибудь и желательно подальше. – Мне было очень больно это вспоминать.

– И ты ей поверила, а почему не проверила? Пришла бы к Косте и спросила. Сама же взяла и отдала его в руки той мегеры, бери его тёпленьким, – усмехнулась тётя Валя.

– Вот ещё буду унижаться. А уехала? Не смогла бы смотреть, как они живут счастливые. И видеть их ребёнка. – Она с иронией и сочувствием на меня посмотрела:

– Да ладно, не переживай, сколько их ещё таких будет... Оля на повара поступила да говорит, с парнями познакомилась. Военные, красивые, здоровенные... У-у-ух, горячие се-

верные парни!!!

– Тётя Валя, и вы туда же, не надо мне никого. Боль одна от них.

– Ой, скажешь тоже! Пройдёт всё, первая школьная любовь всегда боль. Только нужна она, эта боль, чтобы понять жизнь.

– Ну и философия у вас, тётъ Валь!

– Потом, возможно, поймёшь, может быть. А вот с парнем всё-таки надо было поговорить. Вдруг всё не так, как кажется. Ладно, иди уж в комнату. Устала небось. А вечером сходите по городу погулять, когда жара спадёт.

Оля лежала на двuspальном угловом диване, но как оказалось впоследствии, он не угловой, а состоял из пуфиков, которые можно было двигать по своему усмотрению. В ушах сестры был плеер, глаза закрыты. Она не обращала на меня никакого внимания, поэтому я решила осмотреться. Присела на единственный стул, стоящий рядом с письменным столом. Вдоль стены встроенный зеркальный шкаф, и он получается, как бы, напротив окна. На карнизе висели очень плотные портьеры темно-синего цвета, не пропускающие света.

– Что, маман доставала нравoучениями? – Наконец-то Оля открыла глаза и заметила меня.

– Вроде нет.

– А меня достала. – Она показала на горло: – Во где она уже. Замучили оба. – Сестра присела на диване. – А Юра

так постоянно по ушам ездит. Сбежать от них уже хочется. Как только отучусь, так больше не увидят. А чего мы здесь киснем? Может, по городу прогуляемся?

– Пошли, а куда? И как мне одеться?

– А я тебя с Никитой познакомлю. Хочешь?

– Нет, говорила же, – сказала я резко.

– Не хочешь, как хочешь. Ладно. Давай гардероб твой столичный осматривать. Вытаскивай свои шмотки.

Я делаю так, как сказала мне сестра. Достают из чемодана свои вещи. Она осмотрела джинсы, кофточки. Каждую вещь вертела в руках.

– Красивый прикид, – с придыханием каким-то говорит Оля. – А мне Юра тоже часто возит из-за границы шмотье различное, на твое похоже.

Я не могу понять, а тётё Вале ничего не возит? Спрашиваю об этом Олю, но она лишь хмыкает в ответ.

Глава 7

Разложив вещи на ту полку, что была мне выделена, Оля замечает мою блузку с красными розами и выпрашивает одеть её. Но при этом надевает свои джинсы. Я решила не выделяться и тоже надеть джинсы и блузку, только синего цвета.

– Волосы распusti, – говорит мне сестра. – Мне б такие шикарные волосы, а то достались от мамы ниточки, что приходится придумывать прически. И парней завлекать.

В половине восьмого вечера мы выходим на улицу. Несмотря на поздний час было светло, и меня это очень сильно удивило. У нас в Подмоскowie чуть темнеет уже в это время.

– Я, конечно, помню по географии, что у вас, вроде как, полярный день. Прохладно, смотрю, стало, но солнце до сих пор светит. Ярко-то всё как у вас!

– Ты чему удивляешься, отличница? Да, в мае начинается полярный день. Бывает и так, что днём дожди, а ночью солнце. И не поймешь, время какое. Проснулась в половине восьмого, а что это утро или вечер – не сразу и разберешь. – Теперь понятно, почему у них такие темные шторы висят. – Пошли в парк. Познакомлю тебя с друзьями. – А вот полярная ночь, я думаю, тебе ещё надоест со своей серостью. Переживёшь одну зиму, а там проще будет. О, вот и ребята.

Не сразу тогда всех по именам запомнила. Один из парней на меня пристально смотрел: высокий, плечистый, яркие бирюзовые глаза выделялись на загорелом лице, тугие завитки чёрных волос спадали на лоб. Невольно обратила на него внимание.

– Ребята, знакомьтесь. Моя сестрёнка Ангелина. Себя я представлять не буду. Пашка, а ты обещал гитару принести и на мотике меня прокатить.

– Помню. Пойдемте, девушки-красавицы, прогуляемся по парку. – И он подхватил меня и Олю под руки.

Подруга сестры с парнем отбились от нас и ушли дальше.

А мы под шутки и анекдоты Паши прогуливались по аллеям.

А по дороге домой Оля мне говорила:

– Ань, ты только маман не говори, хочу много путешествовать! Страны разные повидать... Замуж выйти...

– Твоя мама сказала, что ты на повара поступила?

– Да, вчера в техникум ходила и подала документы, сразу зачислили... Но, Ань, не хочу учиться, хочу жениться, тьфу, замуж хочу... И именно за Никиту: когда его увидела, то поняла, вот он – мой герой из снов. Правда, правда, ты не смейся. Он из моей мечты. Романтичен, харизматичен. М-м-м-м... Прямо сегодня согласна с ним хоть на край света. Может, даже на необитаемый остров, где я его наверняка соблазню...

– Смешная ты, Олька! – Задумываюсь. – Завтра покажешь мне, где педагогический институт?

– Чего это я смешная? – она картинно поджала чувственные губки. – Конечно, покажу! А мне завтра на свидание, чуть не забыла! Куча дел, сама понимаешь!

– С Никитой?

– Нет, друг его, Пашка, вихрастый этот пригласил в кафе. Посидим, поболтаем. Сама же слышала его слова.

– Вроде как на свидание ты сама напросилась. Тебе же Никита нравится. Зачем идти-то?

– И что, должна его ждать? Когда он там захочет меня на свидание пригласить... Гулять буду, с мальчиками общаться!

– А может, ты ему не нравишься, вот и не зовёт. Не подумала?

– Ну, не сейчас, так потом. Подожду, вся жизнь впереди!
– весело щебетала Ольга.

Забавная всё-таки у меня двоюродная сестрёнка. И моя родная – Марьяна – на неё в чём-то похожа: оптимистичная, неунывающая, всегда улыбчивая и радостная. И лицом она в папу пошла. Тогда, когда я взяла все черты мамы, но фигура и рост у нас, как и у мамы – худенькие, среднего роста. Оля тоже такая заводная, – только копия тёти Вали, но волосы от природы у неё чёрные. Правда, Олька стала их красить, став пепельной блондинкой. И ещё она младше меня на несколько месяцев. И как Марьянка непоседливая, весёлая.

Мы вернулись домой после одиннадцати. В дальней комнате были слышны разговоры, смех. Да, точно. Дядя Юра пришёл с моря. Уснуть почему-то не получалось, во сне видела того парня – Никита, кажется. Его бирюзовые глаза так и манили меня.

На следующий день мы с Олей пошли подавать документы, если быть точнее – я, Оля просто решила составить мне компанию.

– Куртку захвати. У нас погода крайне переменчивая, – но я ж упрямая, не послушала...

– Оля, ты сама говоришь, что институт находится недалеко от вашего дома. Смотри, как ярко светит солнце. – Распахиваю портьеры.

– Ну да, ты у нас всё знаешь, – усмехается сестра. И в пакет кладет мою и свою ветровки.

Идти действительно было недалеко – всего-то несколько кварталов. Высотные дома в хаотичном порядке были перемешаны с трёх- и четырёхэтажными «сталинками» и с «брежневскими» пятиэтажками. Они причудливо расплзлись по пологим склонам сопок.

Уже на подходе к институту, набежали тучи, поднялся ветер. И, наверное, мне никто не поверил бы, но пошёл... снег! Снежинки падали мне на лицо и обгоревшие на солнце предплечья, обжигая своим холодным прикосновением. Мы даже не успели из пакета достать наши куртки. Взявшись за руки и посмеиваясь друг над другом, мы взбежали по ступенькам большого здания Педагогического института. Я подала документы на физкультурный факультет. Почему именно туда? Да потому что ещё в школе занималась современным бальным танцем, художественной гимнастикой и пятиборьем. Высоких наград на соревнованиях не получила. Но очень хорошо знаю и готова преподавать другим людям всё о физической культуре тела, как профессионал.

Когда мы вышли из института, то снова светило солнышко. Оно освещало ярко-зелёные сопки за городом. Ведь середина июля, везде, где только хватает глаз, были видны густые заросли ядрёно-розовых соцветий Иван-чая. Удивительно, что самые высокие деревья – это рябины. Они соседствовали с тоненькими, искривлёнными стволами берёзок, кото-

рые совсем не были похожи на наши подмосковные.

Глава 8

Всю дорогу мы радостно болтали обо всём и ни о чём. Ещё бы, столько лет не виделись! За весёлыми воспоминаниями о далёком детстве незаметно дошли до подъезда дома, где мне предстояло прожить все пять лет учёбы.

Оля убежала на свидание, а мы с тётёй Валею беседовали и готовили. Она мне чем-то папу напоминает, ну да, брат и сестра, конечно, чем-то похожи. Папа мой старше Валентины Дмитриевны на пять лет. Но по ним трудно сказать, что они родные и росли вместе.

– Что, Андрей до сих пор в военном госпитале служит? Или перебрался куда? А то что-то не часто мы созваниваемся в последнее время.

– Нет, папа сейчас работает анестезиологом в детской больнице. Я толком не поняла, что произошло, но после возвращения с горячей точки он перешёл работать туда.

– Жалко, что бабушки Клавы и дедушки Мити, наших родителей, уже нет: когда Оля родилась, они погибли, – говорит тётя Валя. – Пожар же в доме их случился. А я тогда в больнице лежала Оленьку рожала.

– А мы с мамой проходили плановый медосмотр в поликлинике и провели там почти весь день. Узнали, когда уже всё произошло, соседи рассказали. Мы с Марьяной, знаем их

лишь по старым, пожелтевшим фото и рассказам родителей.

– Да, ваша бабушка была спортсменкой, участвовала даже в международных соревнованиях, а дедушка был военным, в чине подполковника ушёл в запас. Занимался резьбой по дереву, создавал изумительную мебель, вырезал красивейшие шкатулки. И игрушки очень любил делать. Очень жаль, что почти все его работы сторели вместе с домом. Приехали из роддома уже к вам в квартиру, благо, что она у вас большая. Я из декрета в столовую тогда решила раньше выйти. Спустя несколько месяцев у Андрея с Алей родилась Марьяна.

– Да, а потом мы пошли в садик. Мамочке тогда пришлось идти на подработку в дом культуры. Она рассказывала, что начинала с билетёра, спустя пару месяцев уже работала кассиром на билеты. А через год освободилось место конференсье и ей повезло занять эту должность. Благо, что у неё диплом был об окончании театрального училища.

– А я Юру встретила. Он в меня влюбился первый. И на север позвал. Он в море ходит, а я здесь в местной столовой работаю около морского вокзала. Несмотря на разницу в восемь лет между нами прям искры летали. Но я пыталась отказать ему. Всё боялась, как он к Оленьке отнесётся. Да и она к нему как? Это меня останавливало принимать решение к нему приехать. Понимаешь, Ангелиночка, я ведь трусиха ещё та. Обожглась когда-то с отцом Оли. И дула на воду. Не верила парню. А он оказался очень верным, вот уже несколько лет живём. А то, что в море ходит старпомом уже

даже радуется.

Месяц пролетел, как один день. Я привыкала к городу, к тётё, узнавала привычки Оли. Юра ходил на вахту. Мы с ним практически не общались. Так, только здравствуйте и до свидания. Сестра, если можно так сказать, была предоставлена сама себе. И она пользовалась этим в открытую, постоянно с кем-то гуляла. Возвращалась поздно. На меня она внимания не обращала. Мне это даже нравилось. Я очень много читала – у них дома обнаружилась огромная библиотека. А также магнитофон с пластинками. Я включала классику и под неё парила по комнате. Мне нравилось придумывать новые идеи танцев. Но однажды они с тётёй Вале́й как-то поругались.

– Оля, прекращай уже гулять. С сестрой бы лучше прошлась по городу, сводила бы её куда-нибудь.

– Ма, хоть ты-то не начинай, а! Мне Юры хватает. Достали уже нравоучениями своими. Как будто молоды не были... – Когда мы были молодые и чушь прекрасную несли. – Пропела Оля фальшиво. – А сестру я не приглашала. Сама приехала. Пусть привыкает.

Было немного обидно, что Оля так сказала. Но я тогда подумала, а зачем ей и вправду со мной возится. Я ведь действительно навязалась и сестра права. И нечего ей со мной нянчиться. Я девочка взрослая. И как будет возможность переехать от них, так это и сделаю. Или домой поеду, если не поступлю.

Незаметно наступил август. Я пошла в институт, чтобы

узнать поступила ли я на бюджет. Долго искала свою фамилию и нашла её во второй группе факультета физподготовки. Меня это привело в неопиcуемый восторг, обратно уезжать теперь не надо. Ура! Я около стенда станцевать была готова. Но понимала, что на меня не так посмотрят. Поэтому танец был мысленным, и домой к тётё я бежала, прыгая от переполняющих меня эмоций. И пела... разные песни. Как сейчас их называют – попури. А раньше я и не знала такого названия. Поэтому для себя я их называла песни настроения. Вечером позвоню обязательно маме и папе, и конечно же Марьянке.

Сестра в тот день пришла в одно время со мной и чуть ли не с порога заявила в утвердительно-безоговорочной форме:

– Я на свидание с Пашей собираюсь. Да и Никита там тоже будет, так что одеваемся, красимся и идём!

Хоть у меня событие значимое и хорошее, но в данный момент я устала, голова разболелась, наверное, от всех этих переживаний. Незаметно наступил вечер и на город опустилась белая ночь, как здесь называют этот месяц. А я задумалась, что совсем не готова к тому, что летом всегда светло. В последнее время я чувствовала себя, как зомби, даже в течении дня. Видно сказывались резкие погодные изменения.

– Да хорош тебе нюнькаться, пойдём, развеешься! Целоваться-то никто не заставляет! Ребята хорошие, воспитанные, тебе нечего бояться! – настаивала Оля.

– Ладно, только краситься не буду...

– Как так? Аня, надо!

– Не хочу! Ты русский язык понимаешь?! – я сорвалась на крик. – Мне вообще пофиг это твоё свидание!

Впервые за все годы её взгляд стал чужим, в душе что-то будто бы щёлкнуло. Сегодня мы чуть серьёзно не поссорились. Но я собрала себя в кучку, не хотелось обижать сестру. Натянула светло-голубые джинсы, лёгкий, но тёплый джемпер с длинным рукавом моего любимого серо-землистого цвета, причесалась. Вроде в зеркале выглядела хорошо. Олю ждала примерно с час, а может и больше... Всё ей не то и не так... Она никак не могла определиться с макияжем, потом с маникюром, а про наряд вообще отдельная история. Сестра выпрашивала у меня то одну блузку, то другую, примеряла свои. Я уже думала, что это никогда не закончится.

Наконец-то вышли из дома. До встречи оставалось как раз пятнадцать минут. Мы успевали, как ни странно.

– Аня, у нас ещё уйма времени, можно даже пройтись пешочком до парка, – задорно заявила Оля.

– Да, конечно, пройдемся, – головная боль нарастала. Потормошила Олю. – Мне бы домой, голова разболелась...

– Ань, да ладно тебе, вон наши ребята, пошли! – и она радостно потянула меня к ним за руку.

– Привет, Оля. Ангелина, разрешите с вами познакомится. В прошлый раз всецело вашим вниманием завладел Павел, – сквозь пелену боли узнаю бирюзовые глаза того молодого человека, что был на прошлой встрече, потом сознание

плывёт и меня накрывает темнота.

– Аня! Вы как себя чувствуете? – промычала что-то невнятное в ответ и попыталась встать. – Лежите! Вам нельзя вставать! – меня останавливают руки доктора в белом халате, его лицо расплывается. Мне тяжело говорить. Не понимаю, а сколько я до этого находилась в бессознательном состоянии. Но меня опять склонило в сон, и я словно окунулась в туман.

– Аня! – Меня разбудил тёплый бархатный голос.

Глава 9

С трудом подняла веки и опять увидела эти бирюзовые глаза... захотелось обратно в небытие. Постепенно муть перед глазами прошла, и я поняла, что нахожусь в больнице. Рядом на кровати сидел тот парень, от которого млела Оля.

– Ты потеряла сознание в парке, мы вызвали скорую. Думаю, ты помнишь, что я – Никита. – Он ласково коснулся рукой моей щеки. – Врачи говорят, что у тебя нервное и физическое истощение из-за перемены климата, пара дней реабилитации – и всё пройдёт! Сейчас главное – покой, хорошее питание и витамины. Смотри, я принёс тебе яблоки и апельсины. А тётя Валя с Олей передали пирожки с сыром и зеленью. Ну... я пойду? – Никита встал. – Отдыхай, набирайся сил! – Вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Несколько минут разглядывала больничную палату. Помимо моей, тут стояли ещё три пустые кровати, на часах, что висели над дверью, было десять часов. Стену рядом с большим окном освещали солнечные лучи. Это показалось мне странным...

Я что, без сознания провалялась всю ночь? Тогда почему тут был Никита, а не Оля и тётя Валя? Опять накрыла головная боль... Зарывшись в подушку, я уснула. Повторно меня разбудил доктор, пришедший на осмотр. Он пощупал пульс,

поспрашивал о хронических заболеваниях, аллергии, что-то записал в карту. На часах было ровно одиннадцать, солнце теперь освещало другую стену палаты. Я всё ещё не могла понять, в каком времени нахожусь, и спросила об этом доктора, он улыбнулся:

– Ангелина, вы попали к нам в отделение вчера вечером, сейчас скажем так почти день. Насколько я понял из объяснений девушки, представившейся вашей двоюродной сестрой, вы только приехали из умеренного климатического пояса, а теперь находитесь за полярным кругом. Летом у нас всегда светло, солнце не заходит за горизонт более двух месяцев. И не показывается более сорока суток зимой. Ваше состояние обусловлено резкой сменой климата, множеством новых эмоций. Так бывает, ничего страшного, очень скоро вы привыкнете и будете чувствовать себя как раньше! Мы оставим вас под наблюдение примерно на трое суток и, как только выздоровеете, выпишем.

Но лишь наблюдением всё не обошлось. Каждый день мне ставили капельницу и делали какие-то уколы, вроде витамины. Всего я пробыла в больнице неделю вместо обещанных нескольких дней. Но всё равно это было самое весёлое время, которое я провела в компании Оли, тёти Вали, а чаще всего Никиты. Он тащил мне всякие вкусности, книги и даже магнитофон принёс. На нём можно было послушать радио и две аудиокассеты с самыми лучшими современными песнями.

В день выписки он попросил о свидании. Я согласилась... Он часто стал встречать меня после института. Мы подолгу гуляли, много времени проводили вместе.

Уже не вспоминала о своих одноклассниках: бывшем парне Косте и подруге Карине. У них к этому времени должен был родиться маленький. Да и поженились они наверняка. Но я их оставила в прошлом. Хотя душа всё ещё болела от воспоминаний о предательстве. Когда же Марьянка или мама что-то о них пытались рассказывать, то я сразу прерывала их. И я старалась найти в Никите новую любовь. Но от его объятий сердце не замирало, и бабочки не порхали в животе. Хотя каждое наше свидание проходило очень необычно.

Мы забирались на высокие сопки и оттуда любовались сочной летней зеленью. Играли в прятки в торговом центре, ездили на рыбалку, водопады, катались на снегоходах, лыжах, коньках. Вот только всё было не то. Но в моей памяти были свежи воспоминания о Костиных поцелуях, от которых земля уходила из-под ног. И каждое прикосновение казалось чем-то волшебным! И я тогда решила для себя подождать: возможно, всё ещё будет. У Оли я ещё прожила год и съехала в квартиру Никиты. С сестрой у нас были неплохие отношения. Да и с мамой её сложились вполне отличные. А вот Юра мне не нравился. Он был очень вульгарным и постоянно меня раздражал своими плоскими шутками. Когда он приходил с моря, то начинались посиделки с друзьями, которые затягивались порой на несколько дней. Меня как раз от все-

го этого безобразия спасал Никита.

Зима у них тогда наступила рано – в октябре. Утром как-то проснулись с Олей и собирались: она в училище, я в институт. Выглянула в окно, а там покров снега. И температура воздуха была минусовая, поэтому пришлось надевать пуховик, который одолжила сестра. Только вечером мы смогли сходить с Никитой в торговый центр и купить мне теплую куртку и зимние сапоги.

Глава 10

Полярная ночь меня поразило тем, что темно и днём, и ночью. Одно дело – когда читаешь, другое – когда живёшь в этом всём. Но эта длинная темная пора закончилась и незаметно подкрался полярный день. В июле Никита закончил мореходку. И сразу же нашел работу. Его поход был до декабря. Он предложил мне съехаться по его возвращению. Я обещала подумать. А после одного случая я убедилась в необходимости переезда. А дело было так. Я пришла с института, а у тёти Вали и дяди Юры опять была гулянка. Я зашла в квартиру, стала снимать пуховик и сапоги, а с ванной как раз вышел один из порядочно надравшихся друзей. Увидев меня, он стал приставать.

– Какая прелестница! Составь мне компанию, – сказал мужчина, хватая мои руки в свои.

– Не трогайте меня! Что вам от меня надо? Отпустите меня, – кричала я этому мужчине. Но в дальней комнате меня, наверное, не было слышно. Там раздавалась громкая музыка и смех дружной компании.

– Не бойся, красавица. – Он открыл дверь в нашу с Олей комнату и повалил меня на диван. Я брыкалась, как могла, требовала меня отпустить, но он не слышал. Всё было бесполезно. Он был сильнее меня. Когда я совсем отчаялась, в

комнату вбежала Оля и подняла всех на уши...

А потом мы пили чай с ромашкой вместе с тётёй Валей. Это случилось в начале ноября. Я сидела на их кухне, глотая слезы, слушала разговоры и думала о Никите. Милый моему сердцу мужчина говорил, что его поход скорей всего будет до конца декабря и Новый год уговаривал провести вместе. И смотря на Олю и извиняющихся дядю Юру и тетю Валю, я тогда приняла решение, что сбегу из этого дурдома, хватит с меня их праздника жизни. И приезд Никиты для меня стал очень приятной неожиданностью, ведь он пришёл на две недели раньше. Парень встретил меня возле института после пар. Весь такой красивый, в морской форме с букетом цветов. Девчонки тогда, выйдя со мной, аж присвистнули от зависти. В тот момент я поняла, как сильно по нему скучала и, обняв его, в полной мере осознала, что скорее всего люблю. Тут же осчастливила Никиту своим согласием на переезд. Как же он радовался! Подхватил меня на руки и закружил. Говорил слова любви и что он хочет, чтоб мы всегда были вместе.

На Новый год мы съехались. Ник устроил для меня романтический ужин при свечах. Я одела эксцентрично-роскошное платье и сделала идеальный макияж. Чувствовала себя на редкость непривычно и неловко, но восторг в глазах любимого помог мне справиться с первым смущением. А вскоре я уже плавилась от ласк и его поцелуев. Наш первый раз

стал для меня одним из самых дорогих воспоминаний в моей жизни.

Оля же стала чересчур часто напрашиваться в гости. И я ничего не видела зазорного, ведь она моя сестра. И мне было приятно с ней поговорить. А приходя ко мне она щебетала, как пташка. И насколько её беззаботность меня выбешивала, настолько и смешила. Оля через три года окончила техникум. Её мечта сбылась. Она съехала от родителей, ходила в море на корабле, где служил Никита. Мы часто гуляли все вместе: Оля с очередным новым парнем, а я, конечно же, с Никитой. Ходили на танцплощадку в парке, где играли наши любимые песни: «Дым сигарет с ментолом...», «Ах, какая женщина...», «Ой, Лёха, Лёха», «Зима, холода», «Яблоки на снегу», «Девочка моя синеглазая», «Посмотри в глаза», «В Багдаде всё спокойно», «Распустилась черёмуха», «Ветер с моря дул» и множество других. Через пять лет, сразу после окончания института, в августе мы с Никитой поженились.

Родители у парня уже давно уехали с Заполярье в тёплые края. Но на нашу свадьбу они явились. Хотя при этом сам Никита с родителями практически не контактировал. Мы как-то после прогулки сидели на поскрипывающем диванчике и рассматривали фото родителей и его бабушки, а также самого Никиты. И решали, кого пригласим на свадьбу. Список то пополнялся, то наоборот из него кто-то вычеркивался. В квартире Никиты тогда не было этого ремонта была обычная кухня и комнаты все были отдельные.

– Что у вас произошло, из-за чего вы поссорились? – задала я вопрос будущему мужу. Вертела в руках фотку, с которой на меня смотрел маленький Ник и не могла поверить, что он был щупленьким и неказистым. Но на всех фотках всегда выделялись большие глаза и длинные ресницы.

– Не из-за чего. Просто у нас в семье было так: родители сами по себе, а меня воспитывала бабушка. Когда её не стало, мир рухнул. Она была воспитанная и высоко интеллектуальная женщина. Всю жизнь проработала учителем русского языка. И даже когда на пенсии была, к ней приходили ученики. Представь, она всех по именам знала и в какой год выпускались. Мама моя, мне казалось, ничего не взяла от своей матери. Они были такие разные. Даже сейчас я думаю, что, когда ты с ней познакомишься, очень быстро устанешь от её юмора. Как её отец-то терпит, – вздохнул Никита. – Ты на неё совсем не похожа. Мне это очень нравится. – Он привлек меня к себе, поцеловал. – Кстати, твоя сестра похожа чем-то на мою мать, – говорил мне он очень грустно. За пять лет мы оказывается не затрагивали этот факт. Хотя стоило бы всё же задать вопросы раньше.

– Сколько тебе тогда было? – прижалась к нему и мне захотелось пожалеть того мальчика, которым он был когда-то.

– Восемнадцать. Я поступил в тот год в вышку. А родители сразу почти уехали. Квартиру мне оставили. А сами живут теперь на юге в доме деда и бабули, который достался им в наследство.

Никита пошёл по стопам папы – стал ходить в море. Мама до выхода на пенсию работала в отделе кадров порта. И практически за десять лет нашей совместной жизни с Никитой я их и не видела толком. Хотя с одной стороны это было хорошо – никто над душой не стоял и не говорил, что готовить её любимому сыночку. Но я не понимала тогда одной вещи. Никита был очень холоден с отцом, а мне Виктор Антонович очень понравился. Видно сразу в кого пошёл сын. У него были такие же глаза, как у Никиты и такая же улыбка. Мама Никиты – Элеонора Абрамовна – чистая еврейка среднего роста, немного полновата. Но это её не портило. Волосы чёрные, стриженные, прическа всегда идеальная. Мне казалось, что она и ночью ложится, чтоб укладка была. А глаза карие и всё время с макияжем, с которым она тоже укладывалась, по-видимому, спать. Она была очень бойкая и весёлая женщина, постоянно рассказывал анекдоты, а потом сама же над ними и смеялась. Мне её юмор напоминал смесь Аншлага с Ералашем. На нашу свадьбу также приехали родители и моя младшая сестрёнка. Марьяна к тому времени тоже заканчивала институт, но собиралась дальше в ординатуру, да-да, она решила стать врачом, как папа. И так же решила пойти в педиатрию. А я фамилию Никиты брать не собиралась, моя же круче: Малевина Ангелина Андреевна, но не Козловская.

Глава 11

Меня разбудили солнечные лучики, которые щекотали мои веки. И также аппетитные ароматы с кухни. Подошла к окну. О вчерашнем ливне уже ничего не напоминало. С грустью подумалось, что мои воспоминания стали, словно отправной точкой. Только в чём – пока не поняла.

Я, потягиваясь и протирая глаза, вышла из комнаты. Зашла на кухню. Мама готовила завтрак. Папа доедал блинчик и допивал чай, а ма собирала ему обед на суточное дежурство.

– Привет, родителям!

– Привет, солнышко! – Мама подмигнула мне.

– Какие планы на день? – полюбопытствовал папа.

Пока планы найти работу. Забыть предательство и боль. Вот ведь опять... Да что такое... где же моё счастливо и хорошо, как в сказке? Подошла к папе, поцеловала его в щеку, порадовалась тому, что я дома. И задумалась, ведь ещё в Заполярье я работала инструктором в фитнес-клубе, флористом в цветочном магазине. Эта работа мне очень нравилась – составлять необычные букеты, композиции из цветов всегда меня завораживала. Но не повезло с хозяевами точки, начали обманывать. И я ушла... Вот как-то не получалось: словно злой рок или что-то подобное не давало мне зани-

маться любимым делом.

– Доча, ты завтракать будешь? – остановил меня голос мамы.

– Да, мам! А позже, наверное, прогуляюсь по городу. Может, работу поищу.

После завтрака мама провожала папу на дежурство. Они стояли около двери и тихо переговаривались друг с другом. До меня долетали обрывки их фраз: «Не дави на неё. Пусть сама разберётся!..» - это говорил папа. На это родная ответила: “Нет, что ты, милый. Разве я когда-нибудь нашим девочкам что-то запрещала. Иди. Всё жду. До завтра”. Закрыв входную дверь, мама прошла в комнату. Какая у них любовь! Всегда такую хотела. Но видно пока не судьба. Папа любит маму, а она его. Никогда не слышала, чтоб они ругались. Под такие мысли разместила резюме по сайтам. Решила прогуляться по городу. Переоделась в чёрные джинсы, лёгкий белый топ и накинула бежевый кардиган. Сказала маме, что я пошла на улицу. После майских праздников было непривычно безлюдно. Решила, что пройду в направлении школы, она находилась через несколько улиц от нашего дома. Именно в ней мы учились с Марьяной и Костей. Подходя к зданию, подумала, может, всё-таки мне пойти работать учителем, но, хоть я и закончила физкультурный факультет, ни дня не преподавала. Боюсь я как-то детей... Одна лишь мысль меня страшила больше всего. Как мне себя вести с этими маленькими спиногрызами наедине. Дети повы-

скакивали из здания и разбежались кто куда. Я зашла в школу и направилась вдоль коридора мимо опустевших кабинетов. Ноги сами понесли меня к учительнице русского языка, нашей классной. Приоткрыв дверь увидела, что за столом сидит женщина среднего возраста в синем платье. Она рассматривала что-то в окне. Задумалась о чём-то и опять вернулась к проверке тетрадей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.